

Ю. Ю. Шевченко

КНЯЖНА-АМАЗОНКА В ПАРНОМ ПОГРЕБЕНИИ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ

Необходимость разграничения мужской и женской субкультуры — фактор в палеоэтнографических исследованиях столь значимый, что обуславливает даже процесс изучения археологических артефактов при применении корреляционного метода¹. Выстраиваемая диагональ среднестатистического распределения типов вещей во времени образует не только хронологические группы, но и разделяет мужские и женские погребения по различию сопроводительного инвентаря.

В рамках любой культуры наблюдается взаимодействие и взаимопроникновение мужского и женского. Женские приношения в мужской могиле, как гарантия верности жены после смерти мужа, или более редкая мужская атрибутика в женском погребении, как признание равенства и инкорпорированности в «мужской мир». К последнему относятся женщины-схимницы, обретающиеся в мужских монастырях под видом мужчин, погребенные как христианские святые, властительные королевы, женщины-рыцари. Примером параллелизма женской и мужской субкультур в погребальных памятниках можно считать женское захоронение в скандинавском Усебергском кургане по «королевскому обряду», в ладье, которое связывается с властительницей Асой, бабкой Харальда Прекрасноволосого². «Дружинная культура» курганов Древней Руси располагает аналогичными явлениями.

Еще Д. Я. Самоквасов, венчая курган Черная могила обелиском, подразумевал связь этого памятника с легендой о княжне Черне (Цорне, Черной)³. По монументальности большие курганы Чернигова во всем европейском средневековом мире сравнимы лишь с «королевскими» курганами Упсалы (Швеция, VI—VII вв.) и мемориальным курганом Харальда Синезубого (Ютландия, 985 г.), с которыми связаны сюжеты североевропейского эпоса «Эдды». Аналогией знаменитого черниговского кургана представляется и «Шум-гора» — экстраординарная по размерам сопка, более чем 12-метровой высоты и 100-метрового диаметра, над р. Лугой⁴. Аналогично была выполнена уплощенная вершина Черной могилы, что заставляло А. А. Спицину причислять последнюю к сопочной культуре, элементы которой имеют скандинавское происхождение⁵.

Кроме Черной могилы, близкий по размерам черниговский курган был снесен А. А. Ригельманом после перепланировки города Чернигова 1802—1804 гг., а не в середине XIX в., как полагал Б. А. Рыбаков. В скрытом кургане

был найден турий рог в серебряной оковке с растительным орнаментом, острие которого венчала серебряная орлиная головка. Эта находка «вызвала к жизни» работу тогдашнего директора местной гимназии М. Е. Маркова (1815) о ритонах из турьих рогов (упомянутую Б. А. Рыбаковым). В 1943—1945 гг. при разборке стен Пятницкого монастыря был снесен курган на восточной оконечности Пятницкого поля (территория древнего Торга), превосходивший по размерам насыпь черниговского кургана «Гульбище» и большие курганы Гнездова. В «Комментариях к панно-реконструкциям»: «Чернигов в XII—XIII и XVII—XVIII вв.», хранящимся в местных музеях, художник Черниговского исторического музея Г. Й. Петраш, присутствовавший при сносе, отметил эту насыпь как «курган 10 дружинников» по количеству сопроводительного инвентаря (к сожалению, даже перечень категорий оружия не сохранился). Курган, снесенный в 1968 г. на западной оконечности Пятницкого поля (ныне сквер им. Попудренко перед Красной площадью), на который в XIX в. перешло название «курган княжны Цорны», имел такие же размеры. Из «княжеских» (по размерам) курганов города сохранилась лишь Черная могила, частично исследованная в 1872—1873 гг. Д. Я. Самоквасовым.

Наибольшее внимание городскому эпосу Чернигова, в связи с наиболее монументальными по объему погребальными сооружениями (Черная могила — 12 м высоты и 180 — в окружности), уделил В. А. Пархоменко⁶, полагая Черную могилу захоронением основателя города, что вызвало неоправданно раннюю датировку — до первого летописного упоминания Чернигова под 907 г. Анализ погребального обряда и инвентаря Черной могилы Б. А. Рыбаковым⁷ ввел коррективы: курган насыпан не ранее «эпохи Святослава Игоревича» над тремя погребенными. Если первое уточнение возражений не вызывало, второе потребовало корректирующих замечаний Д. А. Мачинского⁸ и В. А. Булкина⁹.

Реконструкция Б. А. Рыбаковым процесса сооружения Черной могилы не совсем точна. Д. А. Мачинский подчеркнул, что открытые Д. Я. Самоквасовым два скопления человеческих костей (а не три, по Б. А. Рыбакову), два скопления вещей, парность боекомплекта, принадлежавшего мужчине и женщине, по его мнению, находят объяснения в русской действительности X в.¹⁰ В связи с происходящими уточнениями в хронологии, он предложил датировать Черную могилу не ранее 970-х гг., считая более вероятной верхнюю границу — 990-е гг. (не исключая 1000 г.).

Замечания Д. А. Мачинского справедливы, поскольку ни в описании, ни в зарисовке кострища Черной могилы Д. Я. Самоквасовым для третьего погребенного просто нет места. Предполагаемое Б. А. Рыбаковым место третьего погребения занято (по Д. Я. Самоквасову) костями коня и маркируется находкой пары стремян. Возле мужского погребения — спекшаяся груда предметов: 2 меча, 2 копья, сабля, 3 ножа, пара стремян, дротик. Судя по фиксированным положениям мечей у правого плеча¹¹ и парности вооружения, груда оружия могла бы располагаться между двумя погребенными. Но отмеченное Д. Я. Самоквасовым положение мужских кальцинированных костей (оружие — слева от погребенного), маркируемых «М», и костяка женского погребения («Ж. К.») свидетельствует, что голова погребенной находилась у левого плеча покойного¹². Детали, определенные Б. А. Рыбаковым как «простые бронзовые наконечники пояса»¹³, судя по комплектности, относились к «уздечному набору», украшавшему тонкие ремешки конского оголовья, — аналогичные встречены в Котовском кургане конца X—XI в.¹⁴

Ко второй кремации тяготели «куски медных щитов» (как Д. Я. Самоквасов описал, умбоны-навершия щитов), 5 железных копий, 7 наконечников стрел разной формы, кусок железных ножен (сабельных), кусок золотого шитья,

фрагмент обугленной шелковой и фрагмент шерстяной ткани, железная и костяная булавки, костяная игла, пряслице, девять бус от ожерелья, три серебряных колечка с расплавленными привесками (перечень по публикации Д. Я. Самоквасова 1878 г.). Такие же серьги с привесками Б. А. Рыбаков рассматривает как принадлежность погребенных замужних женщин Чернигова в XI в.¹⁵ Если ряд предметов (например, гребенки) могли входить как в женскую, так и в мужскую субкультуры, то наличие женских височных колец, игл для женского рукоделия и пряслица (работа с веретеном в мужской субкультуре не фиксируется) свидетельствует о принадлежности второго захоронения женщине. Если прав Д. А. Мачинский, насчитавший на кострище всего 10 наконечников копий (по перечню Д. Я. Самоквасова 1908 г.) и предположивший их смысловую значимость, в качестве числа подвластных военных подразделений — это погребения людей равных по статусу — князя и княгини из суверенной черниговской династии¹⁶: с женским погребением связано 5 наконечников копий из общего числа. Отметим в этом плане нарушение связей с Киевским Правобережьем Днестра: вместо пряслица из пиррофилитового сланца, добываемого у Овруча, черномогильское сделано из стенки лощеного сосуда (салтовского, произведенного на территории разгромленного, но не покоренного Святославом Хазарского каганата). Салтовская серия удил и псалий, аналогичных черномогильским, в своде А. Н. Кирпичникова также выглядит не только наиболее массовой, но и наиболее ранней. Данный механизм управления лошадью, как и тип стремян, найденных в Черной могиле, пришел в дружинную культуру Европы из Евразийских степей, вместе с «хазарской» саблей из Черной могилы. Восточное происхождение одеяния скандинавских викингов X в. имеет наиболее раннюю датировку (дирхем конца IX в., по А. Тизенгаузену, и меч поздних модификаций типа «Е» Я. Петерсона) в черниговском кургане «Гульбище» начала X в. В этом комплексе не исключено погребение ветерана похода русов на Каспий 912 г. Поскольку погребальный обряд «Гульбища» предшествует обряду в Черной могиле, Б. А. Рыбаков, установив, что ритуальный котел для тризны в «Гульбище» расположен выше кострища, пришел к верному выводу о тризне, совершаемой в процессе насыпки кургана. Поскольку в Черной могиле имелась такая же тризна на первичной насыпи, была упущена возможность интерпретировать в этом отношении само кострище (что напрашивалось после аналогий с курганами в Гнездово).

Д. Я. Самоквасов пишет о «кругообразном кострище»¹⁷, а не о «круглом в плане», поскольку кострище было вытянутым, овальным и осталось частично перекрытым нераскопанной полый кургана. На фотоснимке, приведенном Б. А. Рыбаковым¹⁸, в вертикальной зачистке бровки сделан подбой для исследования кострища, скрытого полый кургана. Такая планиграфия сближает кострище Черной могилы с большим курганом в Гнездово, где трупосожжение было проведено в ладье¹⁹.

На кострище Черной могилы найдено «несколько тонких железных сосудов с ручками и один медный»²⁰. Это значит, что первоначально тризна, как и в гнездовских курганах²¹, была проведена на остывшем кострище, при выемке вещей, попавших на первичную насыпь лишь после ее сооружения. Во время поминания на кострище был брошен обрубок византийской монеты, не пострадавшей от огня²², обозначенный у Д. Я. Самоквасова буквой «А»²³ (Augum).

Скандинавский обряд тризны вокруг ритуального котла, известный в скандинавских сагах, но не в погребениях самой Скандинавии, обнаружен в Черной могиле²⁴. Как тризна «вокруг ритуального котла» может рассматриваться и планировка кострища большого кургана 23 в Гнездово²⁵.

После сооружения первичной насыпи Черной могилы здесь выложены снятые с кострища две кольчуги, спаянные окислом с выложенными на них двумя шлемами (на внутренней поверхности одного — несколько расплавленных пуговиц и золотые нитки), и два скрамосакса — боевых ножа викингов, которые могли использоваться в качестве жертвенных ножей. На первичной насыпи проведено повторное поминовение, поскольку на ее площадке Д. Я. Самоквасов также отмечает найденные «жженные кости и шерсть барана» (видимо, кремированная туша и не тронутое огнем руно). Парность скрамосаксов свидетельствует, что повторное жертвоприношение, в отличие от совершенного на кострище, проведено от лица двух персон, скорее всего от имени самих погребенных. К оставленным на месте второй тризны доспехам воина и воительницы добавили две золотые византийские монеты — по числу погребенных. Не исключено, что их плохая сохранность — результат обрядового пребывания в тысячах рук, насыпавших Черную могилу. Рядом с двойным доспехом положили два кубка из турьих рогов — вещь частая в скандинавских курганах, указывающая на высокий социальный статус покойных. Пиршественными атрибутами в процессе норвежского «ёрда», шведской «вейцлы» маркировался статус конунга, что в какой-то мере соответствовало древнерусской системе «кормления» князя, а это имело и сакральный смысл²⁶. В плане реконструированной Р. С. Орловым мифологемы божественного происхождения княжеской власти (князя — «Сварожьи внуки» в «Слове о полку Игореве») «княжеские кубки» лишь подтверждают владетельный статус погребенных.

От лица двух кремированных (значит, посвященных Одину, предназначенных к пиршеству в Валгалле) воителей (в полном боекомплекте) во время поминального пира вокруг ритуального котла приносились жертвоприношения. Они могли посвящаться божеству, добывшему для пиршества богов котел Гимира. В мифологеме эта акция связана с крупнейшей битвой между Асами и Гримтурсенами. Главным героем битв (в том числе упомянутой) был Тора. Не случайно статуэтка сидящего божества из слоя второй тризны на первичной насыпи Черной могилы интерпретируется Т. А. Пушкиной как сидящий бог грома и молнии²⁷ (именем бога молний приносились клятвы и дохристианскими витязями Древней Руси). В руках сидящего Тора, возможно, громовой молот — Мьольнир (Перун — древнерусская калька этого термина). Не исключена и иная трактовка бронзовой фигурки, вынесенной из кострища на первичную насыпь «второй тризны» Черной могилы. Как было замечено Я. В. Френкелем²⁸, фигурка могла изображать божественного (из Асов) партнера по игре в «шашки» в Валгалле. Ввиду плохой сохранности, не исключена реконструкция идола из Черной могилы «в позе размышления», или «клятвы бородой» — с руками, возложенными на раздвоенную бороду (аналогии «вилобородых изваяний» из курганов с «шашками» Я. В. Френкелем были приведены). Представляется более чем вероятным, что сама игра являлась моделью перехода в мир Валгаллы, тогда игроком-партнером погребенных воителей мог оказаться хранитель радужного моста Хемдалль — своеобразный привратник Асгарда (пропускающий или не пропускающий к Валгалле), прозванный Мудрым Асом, бывший и хранителем золотого рога. Если на оковке большого турьего рога из Черной могилы изображена сцена «Гибели богов»²⁹, где гибнет «вещая птица Одина», то в фигуре лучника на оковке возможно видеть Ульра, поражающего своими стрелами «племя Локи» (волка Фенриса и драконовидную змею). Второй персонаж с бородой, заплетенной в косичку, напоминает Тора, павшего в долине последней битвы асов — Вигрид. Это кто-то из старейших богов («вилобородый»), уцелевших в битве. Таковым был Ход — Слепой Ас, — вырвавшийся вместе с Бальдром из царства Хель после сражения в Вигриде, — столь же могучий,

как Тор. Таким мог оказаться и, равный Тору, Молчаливый Ас — Видар, также уцелевший (не исключена контаминация этого образа с образом Хемдалля). Вторая фигура могла исполняться мастером как фигура одного из них. Они «вилобородые», как старейшие боги, пережившие разгром в долине Вигрид. Поскольку на оковке присутствует образ «обратных стрел», могущий пониматься как «не связанные словом стрелы», имеющие отношение к гибели Бальдра от руки Хода, то и изображение, с большей степенью вероятности, принадлежит ему. И манера изображения «пустых глазниц», и композиция «тактильной сопряженности» («как к слепому») обоих фигур на оковке свидетельствуют в пользу этого предположения.

Кубки (без следов действия огня) были положены рядом с доспехами и фигуркой идола, извлеченной из кострища. Возможность рассматривать обнаруженный на первичной насыпи «дубовый накат» не как столешницу тризны (по Д. Я. Самоквасову), а как вынесенную на тризну «игровую доску» или «поле пути в Валгаллу», вместе с идолом, наблюдающим за правильностью предначертанной игрой пути, определяет тризну на первичной насыпи как напутственную для теней погребенной пары. «Шашки» и кости, которыми проводилась такая игра (типа нардов) при первичной тризне на кострище, оставлены на месте как атрибуты, выполнившие свое предназначение.

Разнообразие мифологических персонажей, связанных с миром заупокойных вещей в Черной могиле, кажущееся. Наряду с посвящением кремированных Одину, могли иметь место призывы к имени Тора (Перуна) и посвящения богу грома и молнии, что отражено в поминовении вокруг ритуального котла. Бронзовая фигурка «путеводителя в игре», как пути в Валгаллу, скорее всего изображает стража моста Бифрест — Хемдалля — хранителя золотого рога. Изображения на оковке большого турьего рога могут принадлежать слепому Ходу и лучнику Ульру. Все перечисленные персонажи, взаимозависимые в контексте эддической мифологемы, присутствуют на атрибутике, связанной процессом погребального обряда в княжеском кургане. Совпадение ритуального котла в погребальном обряде Черной могилы и в эпосе «Эдды», «вилобородость» старшего из уцелевших после Вигрида Аса на оковке большого турьего рога (и вероятная «вилобородость» бронзовой фигурки, вынесенной для повторной тризны на первичной насыпи), наличие самого рога (в двух экземплярах по числу погребенных) дают возможность соотнести крупнейший курган Чернигова с погребением князя скандинавского происхождения. «Хазарская» сабля и пряслице из стенки салтовского сосуда в женской кремации, как и орнаментальные мотивы на оковках черномогильских турьих рогов, указывают на юго-восточные параллели погребального инвентаря, на связи с местной северянской (савирской) аристократией черных болгар, подвластных Хазарии и упомянутых Киево-Константинопольским договором 945 г. Интересно, что сопроводительное погребение коня, маркирующееся находкой стремян, в Черной могиле тяготеет именно к женскому погребению. Равенство статуса не означало полного равенства во всем: меньший и больший турьи рога; при отношении останков коня к женскому погребению становится понятна простота наконечников конского оголовья (о чем — выше). После окончания тризны на первичной насыпи Черная могила была досыпана глиной.

Окончательная досыпка кургана сопровождалась кирпичной кладкой в виде «колодезного сруба», в три ряда кирпичей друг над другом (с забутовкой под ней), для установки столба («из белого тополя», по Ибн-Фадлану, т. е. ясеня, по нашему мнению, на дубовой подставке, отмеченной Д. Я. Самоквасовым). Вместе с забутовкой под кирпичной кладкой это сооружение занимало 3,5 аршина (немногим менее 2,5 м!) высоты курганной насыпи. Вслед за Б. А. Рыба-

ковым исследователи не считают этот завершающий компонент в создании Черной могилы принадлежащим к погребению, поскольку «польско-литовский» («борозчатый») кирпич применялся на данной территории в позднесредневековое время. Однако не следует забывать, что тот же «борозчатый» кирпич носит наименование «романского» и применяется в Западной Европе с IX в. (церковь Св. Сальватора во Франкфурте-на-Майне, 852 г.). Употребление этого строительного материала в Древней Руси уже отмечено Ю. С. Асеевым. Из такого кирпича, на древнерусской цемянке, сложен престол Спасского собора в Чернигове (до 1034 г.)³⁰, заложены нижние аркасолии в примыкающих к собору крещальнях. Последнее стало известно еще в XIX в., после земляных работ у Черниговского Спаса, проведенных архиепископом Филаретом (Гумилевским), и лишь подтвердилось раскопками Н. Е. Макаренко³¹, а потому сравнение Д. Я. Самоквасовым кирпича Черной могилы с кирпичом древнейшего из сохранившихся соборов Руси закономерно.

Типология оборонительных средств (кольчуги, щиты, шлемы) Черной могилы мало что проясняет в хронологии³², как сулица или наконечник копья I типа³³. Хронология широколезвийной секиры IV типа определена точнее³⁴ аналогиями в курганах Тимерево³⁵. Параллель этому оружию — топор из Гнездовского клада, датированный Г. Ф. Корзухиной началом XI в.³⁶ Такие же секиры не ранее XI в. найдены в I и IV Кабожских курганах (раскопки В. И. Равдоникаса), экспонировавшиеся на выставке «Скандинавский мир» в Кунсткамере им. Петра Великого в 1997 г. (фонды МАЭ РАН, кол. 6012, инв. № 74, 98). По современным представлениям, широколезвийные секиры распространяются из Скандинавии около 1000 г.³⁷ Заманчиво сопоставить их распространение в Восточной Европе со временем похода Эйрика Хаконарссона, в последнем десятилетии X в. разрушившего Альдейгьюборг (Ладогу).

Меч из Черной могилы типа «А местный» более всего соответствует мечам начала XI в. из Глуховцев Житомирской обл. и особенно — из Краснянки Харьковской³⁸. Все оружие этой группы: меч из Карабичева (у Каменца-Подольского), киевский и рязанский мечи, — датируется не ранее конца X в.³⁹ Меч типа «Z особый» из Черной могилы также датируется не ранее 980-х гг., по Р. Э. Оуксхоту⁴⁰. Типологически наиболее близкий меч начала XI в. происходит из Фоцеватой Полтавской обл. с клеймом «коваль Людоша»⁴¹.

Не противоречат датировке рубежа X—XI вв. и аналогии мелким вещам из Черной могилы⁴², встречаемые в Ярославских курганах не ранее второй половины X в. Обломки близких костяных гребней с однородной орнаментацией найдены в курганах 47, 54, 70, 85, 137, 422 Тимерево, в курганах 47 и 85 — с фибулами типа 51с, по Я. Петерсону, и сбруйными пряжками, типа найденной в Черной могиле, и аналогичными пуговицами⁴³. Уже предпринималась попытка датировать отдельные вещи из Черной могилы временем не ранее рубежа X—XI вв. (цилиндрический замок с признаками типа «Б», по Б. Колчину)⁴⁴. Аналогична дата сережек замужней женщины с кострища Черной могилы не только в черниговских болдиногорских курганах первой половины XI в., но и в синхронных погребениях Ярославского Поволжья (курган 8 Петровского могильника⁴⁵).

* *
*

Захоронение князя и княгини-амазонки в одном погребальном комплексе скорее всего — результат их совместной гибели в военной акции. Они сожжены, как павшие на поле брани, посвященные Одину. Вряд ли княгиня в полном бое-

комплекте (на подобное заупокойное сопровождение не могла бы претендовать рабыня) была принесена в жертву как простая девушка-невольница. Вслед за Д. А. Мачинским полагаем, что в быту Руси X в. имели место женщины-амазонки. Аналогии отыскиваются в фольклоре. Это старина о Ставре Гоудиновиче — черниговском боярине, который хвалился Владимиру Красно Солнышко ратными «умениями» своей жены. Кстати, не то что бояре, как Ставр, а просто — гости торговые, как Дмитрий, могли титуловаться «вольными царями (разрядка моя. — Ю. Ш.) — черниговцами»⁴⁶. Другая невеста также принимает участие в деяниях мужей, помогая восточному Кощею (Ахромею) против иного Гоудиновича — Ивана. Эту старину черниговского цикла Б. А. Рыбаков неудачно попытался привлечь для дешифровки сюжета на оковке турьего рога из Черной могилы. Однако и имя Кощея, и сюжет с женихом напоминают о хазарском времени и аналогичном персонаже в легенде о княжне Черне.

Черниговские предания о крупнейших курганах городского некрополя включали легенду о княжне Черне (Церне, Цорне) и ее отце Черниге, или князе Черном. Приведенная Б. А. Рыбаковым⁴⁷ романтическая версия предания повествует о матримониальных домогательствах вражеского (древлянского) князя, о разгроме города во время отсутствия здесь князя Чернига и о бросившейся с высокого терема княжне, не желавшей постыдного замужества в качестве полонянки⁴⁸. Все это является результатом позднейшей контаминации имен-патронимов названия города Чернигова с фабулой событий 1239 г. Последняя составляет сюжет предания о княгине Домникии — жене рьльского князя Мстислава Глебовича, прибывшего в Чернигов для защиты города во время наступления монгольского отряда Менгу-хана. После поражения княжеской дружины жена Мстислава в отчаянии бросилась с Красного терема и разбилась насмерть⁴⁹.

Вариант легенды о княжне Черне, оплакивающей друга, сраженного иноплеменниками, и мстящей за него, появился из «полусгнившей рукописи древнего летописца»⁵⁰ и связывал гибель княжны с хазарскими временами⁵¹.

В Чернигове хранилось несколько летописных списков. «Летопись Безымянного» в 940 листов, в списке XVI—начала XVII в. (судя по отсутствию варианта Мартина Бельского среди «Троянской» серии и по подробностям в описаниях времени Самозванцев начала XVII в.). Возможно, рукопись принадлежала Елецкому Успенскому монастырю Чернигова (пожар 30-х гг. XVIII в. в монастыре уничтожил ее возможные протографы). Список мог сохранять черниговскую летописную традицию древнерусского времени, содержал 129 глав, был написан различными почерками и заканчивал изложение 1663 г.⁵²

Этот список или его протографы являлись одним из многочисленных источников «Летописи» Леонтия Боболинского, законченной в Троице-Ильинском монастыре Чернигова в 1699 г. Один из экземпляров «Летописи» Боболинского хранился в «Архиве Черниговского воеводства» в Краковском отделении Польской Академии наук⁵³. Именно из Польши пришел первый литературно-поэтический вариант легенды о княжне Черне (Цорне). Тарас Шевченко, описывая по заданию Археографической комиссии черниговские древности, упомянул о «кургане княжны Черны», «воспетом Немцевичем»⁵⁴ — в поэме Юлиана Немцевича «Княжна Цорна» (т. е. «Княжна Чёрная»). Профессор Д. Я. Самоквасов также упомянул о легенде «Княжна Цорна», содержащейся в каких-то польских хрониках, не уточнив источника. Думается, таковым был польский вариант «Летописи» Боболинского, хранящийся в Кракове, сохранивший и черниговскую традицию древнерусского летописания.

Устная традиция также сохранила легенду о княжне Черне — предводительнице дружины, девушке-амазонке. Она была записана около середины XIX в.,

по всей видимости, Иосифом Житецким, часто подписывавшим в это время корреспонденции в «Черниговские губернские ведомости». Публикация текста песни-легенды о Черной могиле подписана сокращенно — Иосиф Ж-ий⁵⁵.

Стержнем сюжета является противоборство христианства и язычества. Это касается не только легенды о Черной могиле, но и ряда преданий о курганах в окрестностях Любеча (курган Обремишек, курган Чертова ножка), записанных Г. А. Милорадовичем⁵⁶. Нечистое, некрещеное, изгоняемое из тварного, человеческого мира святителями и старцами исчезает в курганах: некрещеный Обремишек находит покой под курганом, изолированный от «крещеного мира»; нечистый дух, изгнанный святым старцем, ступив ногой на вершину кургана, проваливается, скрывается от мира людей курганной насыпью. Изгнания проводятся посредством обряда крещения. Все предания этого круга являются репликой, парафразом ранних фольклорных форм о борьбе христианства и язычества, осмысливавших события, наполняющие времена введения христианской религии равноапостольным Владимиром. Таков же финал легенды о Черной могиле — ее кульминация: земля над некрещеной воительницей вспучилась курганом, скрыв некрещеное тело от «белого света».

В соответствии с установившейся в украинском фольклоре системой образов, язычники именовались «басурманами некрещеными», во главе которых стоит «не хан бородатый, а ханша молодая». Персонификация в татар, в позднем фольклорном варианте*, могла быть вызвана контаминацией титулатуры. «Хан» и «хаган», «ханша» — княжеская титулатура хазарского периода, с которым связаны имена князя Чернига и его дочери, что полностью соответствует титулатуре крымских владетелей времен татарских набегов XV—XVII вв., когда происходит становление отрицательных фольклорных стереотипов. Все негативное связывалось с реальной внешней угрозой и персонифицировалось под ее оболочкой. Действия «нэхрещэной орды клятой» — осквернения, насилия, убийства, дети, гибнущие под копытами лошадей, пожарища — выступают квинт-эссенцией негативного. Развитие сюжета, его кульминация начинается, когда «владыка прэподобный з монасэру вырушае». Тяжелым епископским посохом высший священник поразил насмерть предводительницу некрещеного воинства. Вариант предания связывает гибель княжны-амазонки с обрядом крещения⁵⁷. Финал песни-легенды — появление Черной могилы (в варианте — насыпка кургана ратниками некрещеной воительницы).

Наиболее примечательным является локализация места действия. Предания о княжне Черне связываются с южной окраиной средневекового Чернигова, как и городские предания о крещении черниговцев. Легенда об этой акции, записанная в 1782 г.⁵⁸, связывает крещение горожан в 992 г. с оз. Святое (Прикал) в Святой роще. Напротив урочища в толще Болдиной горы расположен христианский подземный монастырь. При раскопках в одном из подземных храмов стали известны фрагменты керамики X в.⁵⁹, хотя о существовании подземной христианской кинонии до акции крещения уже шла речь в популярной литературе⁶⁰. При создании подземных помещений выносившаяся глина складировалась у подножия Болдиной горы, образовав насыпную террасу, примыкающую к обрыву. На этой насыпной террасе между 1069—1072 гг. была построена Ильинская церковь. Насыпной грунт должен был улежаться к моменту строительства в течение полутора—двух веков, иначе монументальное сооруже-

* Я очень благодарен ныне покойному Борису Николаевичу Путилову за консультацию (видимо, одну из последних его научных консультаций) при разборе черниговского фольклорного материала.

ние неминуемо бы рухнуло. Значит, пещеры вырыты за полтора века до строительства храма — не позднее середины X в.

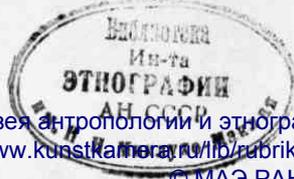
Наличие христианского подземного монастыря полностью соответствует появлению фигуры «владыки преподобного» в версии предания о «ханше» — воительнице, захороненной в крупнейшем кургане всей Древней Руси. Легенда связана единством времени (время крещения) и места (южная окраина средневекового Чернигова) и с конкретными обстоятельствами (наличие христианского монастыря и его настоятеля) этого места. Связь предания с курганом, вернее, с курганами — курганом княжны Черны и Черной могилой («курган князя Черного»), при наличии перефразированной в позднем средневековье информации древнерусских времен, дает основания для сопоставления материала фольклорного и археологического. Для такого сопоставления еще более оснований, если учесть крайне вероятное наличие легенды в черниговской традиции древнерусского летописания.

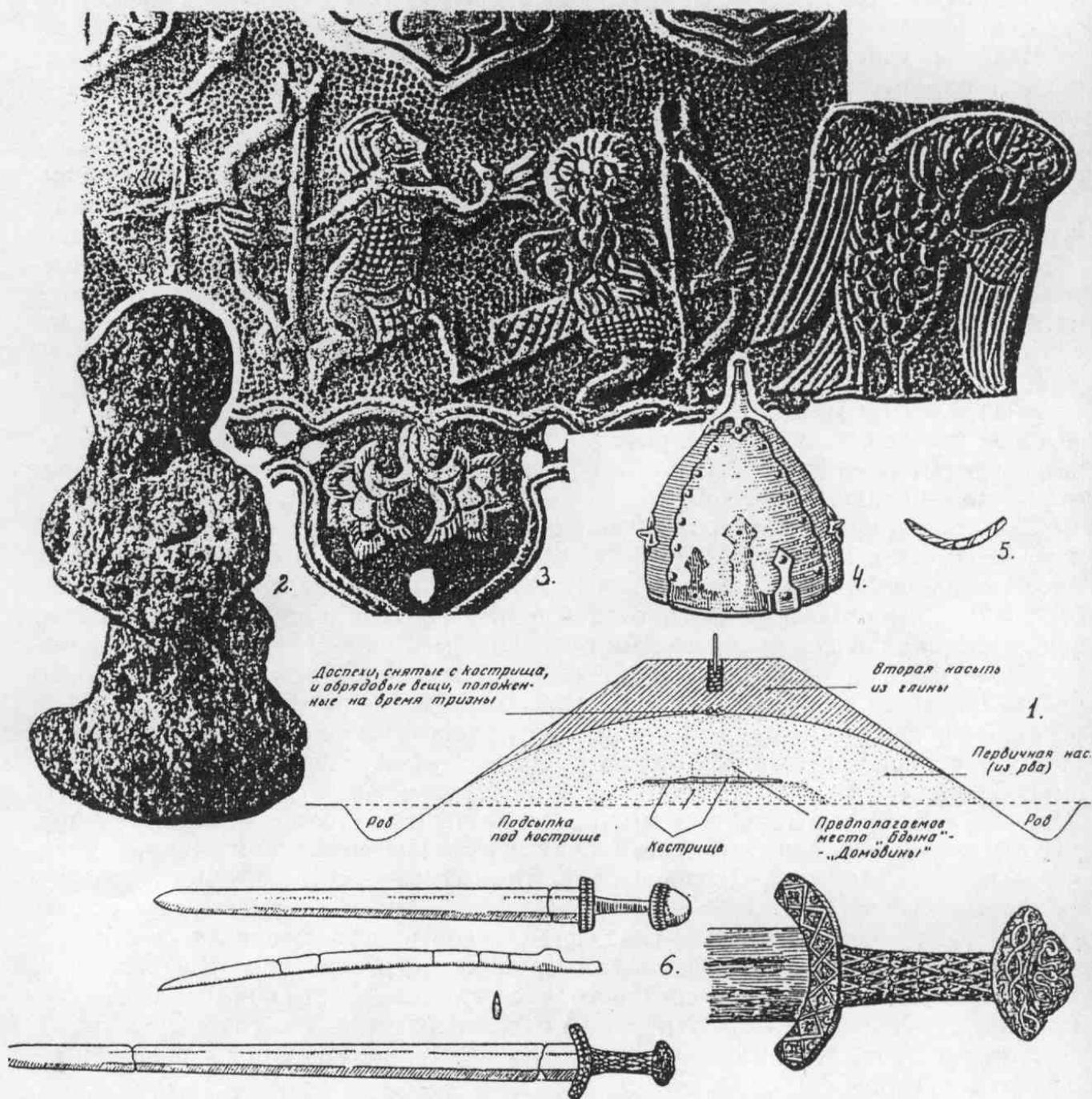
Анализ имени «князя Черного» — Черниг позволяет сближать его с самоназванием населения данной территории⁶¹ (в древнерусской летописи — «севера», «севериты» — Константина Порфирогенета, «саварики» — «черные воины» — армянских источников)⁶².

Самоназвание черных болгар (савиры, северы), о которых идет речь в договоре Византии с Киевской Русью 945 г., свидетельствует о приобретении черниговскими династиями в это время независимого от киевских Рюриковичей статуса⁶³. Скандинавские по происхождению воители брали замуж местных аристократок, являясь основателями боярских фамилий. Происхождение одной из них — Шельбиров («Слово о полку Игореве») — от самоназвания черных болгар (савиров) очевидно. Прочие «черниговские были» «Слова о полку Игореве» носят фамилии, происходящие от титулатуры тюрко-хазарской среды, к которой относились черные болгары: Ольберы («этельбер» — «принц, эфенди»), Татраны (ср.: «тархан черных болгар Песах», 940-е гг.). Ковуи, Могуты, Ревуги — скорее всего родовые имена тех же черных болгар, известные у других тюркских народов⁶⁴. Контаминация двусоставного имени Черниг (Чернег — по типу Милонег, Перенег) с понятием «сев» — «черный» могла иметь и скандинавские параллели. «Саурсхауг» — курган Саура, в то же время «курган Грязи»⁶⁵, т. е. «Черный курган» (подчеркнем созвучность *саур* и *сев, север*).

Суверенизация, осуществленная во времена похода руси на Каспий 944 г., достигнута не без помощи соседнего с севериями — северянами Хазарского каганата. Ал-Масуди в «Золотых лугах» около середины X в. сообщает, что русы живут в стране Хазарского кагана и служат ему, чего еще нет в труде Истахри, писавшего в 933 г.

Это подтверждает время использования этого патронима во времена хазарского господства и отношение погребального памятника, связанного с данной эпической традицией, к суверенной черниговской династии накануне акции крещения горожан. Судя по наличию четырех крупных курганов, насыпанных к востоку и западу от Пятницкого поля (см. выше), такая династия могла насчитывать три-четыре поколения. Ее становление может относиться ко времени, следующему за походом руси на Каспий 913 г. В качестве погребений ветеранов этого похода можно рассматривать курган «Гульбище» в Чернигове, курганы 83, 100 в Шестовице, 13, 23 (Д. А. Авдусин) и 20, 21 (В. И. Сизов) в Гнездово, погребения 14, 30, 110, 116, 117, 121 в Киеве. Синхронные погребения Бирки свидетельствуют о значимости восточных походов руси и восточного серебра для скандинавской знати⁶⁶. Восточный дирхем, принесенный участниками похода 944 г. в Поднепровье, в пределах Украины известен лишь в качестве 4 случайных находок в Киеве, а прочие из 17, в том числе

Вещевой комплекс Черной могилы (по Б. А. Рыбакову):

1 — реконструкция насыпи Б. А. Рыбаковым (с дополнениями); 2—5 — вещи на первичной насыпи (в слое второй тризны): 2 — бронзовая фигурка Хемдалля (?), 3 — сюжет на серебряной оковке большого турьего рога, 4 — один из двух шлемов, возложенных на кольчуги, 5 — желтый витой стеклянный браслет (фрагмент; преднамеренно разбитый, «умерщвленный»?); 6—19 — вещи на кострище: 6 — мечи и сабля (справа — рукоять большего меча),

8 крупнейших кладов, группируются на Левобережье Днепра, тяготея к Чернигову⁶⁷. Вслед за Черниговом суверенизируются территории Туровской земли (пришедший «из Заморья Тур») и полоцких кривичей (Рогволод). Не только Святослав Игоревич, но и Владимир Святославич, несмотря на обилие сыновей, не передают второй в престолонаследной очереди XI в. центр Руси — Чернигов — своим детям. Складывается впечатление, что до вокняжения Мстисла-

Продолжение.

7 — глиняные сосуды-стравницы, 8 — серебряные серьги со стеклянными привесками, 9 — стеклянные бусы, 10 — ткацкий челнок-кочедык, 11 — пряслице из стенки лощеного сосуда, 12 — костяная проколка (?), по Б. А. Рыбакову, напоминающая стило XI—XIII вв. или застёжки типа бронзовых кинжаловидных застёжек того же времени, 13 — игральные кости, «шашки», астрогалы-бабки, 14 — оселок с серебряной оковкой и кольцом (не исключено, фрагмент коромысла весов), 15 — фрагменты спинок резных костяных гребней, 16 — весовая гирька, 17 — серебряная пуговица, 18 — бронзовая пряжка и сбруйные железные кольца, 19 — бронзовые наконечники ремня

ва Владимировича (по относительной хронологии Русской летописи, в 1023 г.) город не входил во владения киевских Рюриковичей. Накануне вокняжения Мстислава в Чернигове (1016) упомянут «брат великого князя Владимира» по имени Сфенг. У Владимира не было брата с таким именем⁶⁸, что заставляет расценивать подобную характеристику в качестве титулатуры, обозначающей суверенность упомянутого Сфенга, его равенство с великим киевским князем. Поскольку Мстислав принимает Черниговское княжение только накануне битвы с Ярославом Киевским (Мудрым) под Лиственном (1024), заманчиво видеть в Сфенге последнего представителя черниговских династов. Сохранение само-

стоятельности Чернигово-Северских земель при переходе под юрисдикцию дома Рюриковичей (1023—1024) с вокняжением Мстислава — лишнее подтверждение их суверенности накануне этого события. Близость совершения погребения в Черной могиле к рубежу X—XI вв. делает возможным сопоставить погребенного князя со *Сфенгом*, как сыном или родичем *Свенельда*, из рода княгини *Сфандры* (от нее посол Шигоберн) и ее мужа *Улеба* (в договоре с Константинополем 945 г.). Возможным признаком принадлежности к одному роду служит созвучие имен (*Сфан* — *Сфен* — *Свен*), имеющих общую семантику (напр.: звучание имени *Свято-слав* у Константина Порфирогенета). Особое положение *Свенельда* при дворе в Киеве говорит о его принадлежности к автономному образованию, о котором уже шла речь⁶⁹. *Свенельд*, более богатый, нежели великий киевский князь (древлянская дань Игоря), столь автономен, что не вступает в бой с печенегами, когда *Святослав Игоревич* гибнет, а столь непохожий на вассала воевода со своими войсками возвращается в Киев, где провоцирует войну с *Олегом Древлянским*.

Так пересекаются на времени былинного *Владимира Красно Солнышко* и исторического *Крестителя Руси* перепетые волнениями позднего средневековья легенды, отразившие времена крещения, с одной стороны, и сохранные Русским Севером южнорусские старины, повествовавшие о боярах и «царях-черниговцах» и их женах-амазонках, — с другой. Видимо, вместо легендарной княжны в кургане похоронена княгиня (украшения замужней женщины), но ведь обряд брачного соединения могли совершить и после смерти, накануне и на месте погребения, как становилась женой погребяемого руса девушка-рабыня, встреченная посольством *Суссана ар Рази* и описанная *Ибн Фадланом*. Наш сюжет подтверждает мнение об особой роли средневековых могильников в восточнославянской народной культуре именно в плане сопоставления фольклорных материалов с памятниками археологии⁷⁰.

¹ *Бажан И. А., Гей О. А.* Корреляция хронологических индикаторов в погребениях могильника Ружичанка (Косаново) // *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 218, 299, 300, табл. LXXIX, LXXX.*

² *Гуревич А. Я.* «Круг земной» и история Норвегии // *Стурлусон С.* Круг земной. М., 1980. С. 614.

³ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 190—191.

⁴ *Седов В. В.* Новгородские сопки // *САИ. Вып. Е1—8.* М., 1970. С. 46. № 356.

⁵ *Спицин А. А.* Сопки и жальники // *ЗРАО. Т. 11. Вып. 1—2.* СПб., 1899. С. 142; *Он же.* Археологические разведки. СПб., 1908. С. 16.

⁶ *Пархоменко В. А.* Князь Чорний // Ювiлейний збiрник на пошану акад. Д. Багалiя. Киiв, 1927. С. 19—27.

⁷ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // *МИА. 1949. № 11 (далее: Рыбаков, 1949).* С. 25—34, 38—50.

⁸ *Мачинський Д. О.* Чорна могила — поховання воеводи Претича? // Друга Чернігівська обласна конференція з історичного краєзнавства. Вип. II. Чернігiв; Ніжин, 1988 (далее: *Мачинский, 1988).* С. 15—17.

⁹ *Булкін В. О.* Великі кургани Чернігова і Гньоздова // Друга Чернігівська обласна конференція з історичного краєзнавства. Вип. II. Чернігiв; Ніжин, 1988. С. 14—15.

¹⁰ *Мачинский, 1988.* С. 16.

¹¹ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. // *САИ. Вып. Е1—36.* М.; Л., 1966. С. 25.

¹² *Самоквасов Д. Я.* Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д. Я. Самоквасова // Труды предварительного Комитета по устройству Черниговского археологического съезда (на обложке: Могилы Русской земли). М.: Синодальная типография, 1908. С. 199. Рис. 65.

- ¹³ Рыбаков, 1949. С. 42, 44. Рис. 16.
- ¹⁴ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. Л., 1973. Табл. X, 2.
- ¹⁵ Рыбаков, 1949. С. 21. Рис. 4.
- ¹⁶ Уманец А. Н., Шевченко Ю. Ю. Эволюция Чернигова к X в. в контексте Киеворусской государственности // Деснинские древности. Брянск, 1995 (далее: Уманец, Шевченко, 1995). С. 63—66.
- ¹⁷ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археологического съезда. Т. 1. Киев, 1878 (далее: Самоквасов, 1878). С. 188.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 306. Рис. 64.
- ¹⁹ Булкин В. А. Курган 18 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977 (далее: Булкин, 1977). С. 33—37.
- ²⁰ Самоквасов, 1878. С. 187—189.
- ²¹ Булкин, 1977. С. 37.
- ²² Рыбаков, 1949. Рис. 6 — справа, вверх.
- ²³ Рыбаков, 1949. С. 26.
- ²⁴ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К истории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 103. Отметим находку жертвенного «котла Одина» (не исключено, с человеческим жертвоприношением, по наличию человеческих волос в котле) в кургане Скопинтул на королевской усадьбе Хофгарден возле Бирки; и в крупнейшем кургане могильника Кварнбакен на о. Åland (Петрухин В. Я. Дохристианская религия Руси и Скандинавии: курганы и святилища // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 158—161).
- ²⁵ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 227.
- ²⁶ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 43 (далее: Лебедев, 1985); Новик Т. Г., Шевченко Ю. Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995 (далее: Новик, Шевченко, 1995). С. 96—100.
- ²⁷ Петрухин В. Я. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки... Каталог ГИМ. М., 1996. С. 9 (С. 8—17); Пушкина Т. А. Гнездово — на пути из варяг в греки // Там же. С. 20—27.
- ²⁸ На семинаре «Между Азией и Европой: проблемы контакта» (МАЭ РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Гос. Эрмитаж, СПбГУ) под председательством М. Б. Шукина 06.05.1997 г. Я. В. Френкель рассмотрел несколько курганных погребений с «шашками», где были найдены и фигурки «королей» или «идолов» (интерпретации различны). Без «шашек» изваяния не встречаются. Размеры изваяний дают возможность интерпретировать их в качестве «королевской фигуры» или «дамки» на игровом поле. Я. В. Френкель предположил, что изваяния передают облик хтонического партнера умершего, при соответствующей игре в Валгалле. На наш взгляд, подобная игра могла моделировать путь погребенного в Валгаллу через Бифрест — радужный мост. Я. В. Френкелем была отмечена «вилобородость» изваяний, кроме одного, по выраженному фаллическому признаку определяемого как Фрейр. Добавим, и «вилобородость» одного из персонажей на оковке большого кубка из турьего рога в Черной могиле, борода которого заплетена в косичку (Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971. С. 13—14, илл.). Половина рассмотренных Я. В. Френкелем курганных комплексов так или иначе связана с Ютландией середины—второй половины X в. В Черной могиле также найдены шашки, в отличие от изваяния, на первичную насыпь не вынесенные.
- ²⁹ Чернецов А. В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев, 1988. С. 143—152.
- ³⁰ Наблюдение автора, участвовавшего в раскопках Спасского собора в Чернигове под руководством Н. В. Холостенко в августе 1969 г.
- ³¹ Макаренко М. Чернігівський Спас. Київ, 1929. С. 7—9, 16, 21.
- ³² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. Л., 1971. С. 8, 23, 24, 26, 37.
- ³³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л., 1966. С. 70, 102.
- ³⁴ Там же. С. 108. № 125.
- ³⁵ Недошивина Н. Г. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 59—60. Рис. 35, № 4.

- ³⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 12.
- ³⁷ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 245.
- ³⁸ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 298—363. Табл. 114, № 17; 115, № 6.
- ³⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л., 1966. С. 35—36.
- ⁴⁰ Там же. С. 42. Табл. 2.
- ⁴¹ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 300—301. Табл. 114; 115, № 1.
- ⁴² Путь из варяг в греки... Каталог ГИМ. М., 1996. С. 76—81. № 645—712.
- ⁴³ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 24—35. Рис. 5; 6, № 5, 6; 7, № 1, 5; 8, № 2а, 16.
- ⁴⁴ Новик, Шевченко, 1995. С. 98.
- ⁴⁵ Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 36—38. Рис. 22.
- ⁴⁶ Илловайский П. И. Черниговская старина по преданиям и легендам. Чернигов, 1898 (далее: Илловайский, 1898). С. 8—9.
- ⁴⁷ Рыбаков, 1949. С. 45.
- ⁴⁸ Котляров С. Город Чернигов // ЧГВ. 1851. № 23—28. С. 237, 239.
- ⁴⁹ Марков М. Е. О достопамятностях Чернигова // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1816. № 41.
- ⁵⁰ Кулжинский И. Г. Малороссийская деревня. М., 1827. С. 82—87.
- ⁵¹ Илловайский, 1898. С. 16, 21.
- ⁵² Известие о двух летописях... // ЧГВ. 1852. № 23. С. 248—249.
- ⁵³ Szubek I. Katalog Rekopisow Akademii Umiejtnosci. Krakow, 1906. № 281.
- ⁵⁴ Брайтчевська А. Т. Археологія в житті і творчості Т. Г. Шевченка // Археологія. Т. 17. Київ, 1967. С. 3—6.
- ⁵⁵ Иосиф Ж-ий. Чорна могила // ЧГВ. 1888. № 33. С. 4.
- ⁵⁶ Шевченко Ю. Ю. Рождение и путь легенды. 1975. Рукопись. Архив ЧГАИЗ. № 96.
- ⁵⁷ Илловайский, 1898. С. 21.
- ⁵⁸ Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1852.
- ⁵⁹ Раскопки Руденка В. Я. Фонды ЧГАИЗ. 1987—1990.
- ⁶⁰ Шевченко Ю. Ю., Молочко А. В. Тайны Черниговских пещер // Наука и религия. 1982. № 4. С. 32.
- ⁶¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 21—22, 63.
- ⁶² Шевченко Ю. Ю. Спасский собор и Черниговский детинец // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Ч. 2. М., 1990. С. 1041—1042; Шевченко Ю. Ю. Культурный імпульс і історична доля: від болгарів-савірів до східнослов'янської сівери середньовічного Чернігова // Проблеми історичного і географічного краєзнавства Чернігівщини. Вип. II. Чернігів, 1993. С. 8—9, 12—13.
- ⁶³ Уманец, Шевченко, 1995. С. 65—66.
- ⁶⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 62—63, 368—374, 418—419, 433.
- ⁶⁵ Стурлусон С. Круг земной. М., 1980. С. 74; С. 641, примеч. 30.
- ⁶⁶ Лебедева, 1985. С. 256.
- ⁶⁷ Уманец, Шевченко, 1995. С. 63—66; Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 24—25, 39—46.
- ⁶⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 436.
- ⁶⁹ Шевченко Ю. Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII—X вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 39—52.
- ⁷⁰ Панченко А. А. Деревенские святыни как фольклорно-этнографический источник (по материалам Северо-Запада России): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. С. 17.